

Всеволод Алферов

Шакал в изгнании

Воздайте благодарение Шакалу Пустыни, Желтому богу, что восседает меж войной и миром, на границе жизни и смерти. К нам придет царствие его, и в приходе его не будет боли.

Изречения Вожака Стаи 12:3

Храмы твоего недруга предадут огню. Пес-изверг Шеххán будет повержен головой вперед, его задние лапы закрут в цепи, а передними он поддержит престол Господень. Дом Господа нашего возрадуется, и голоса тех, кто веселится, достигнут земных пределов.

Поучение о врагах Господних. Книга Солнца, 9

Двери Логова Шакала закрылись, и Каи Сэрису показалось, что он ослеп. Сердце совершило несколько ударов пока из темноты не проступили алые огоньки — словно сотни глаз.

— Как тяжелую ношу несложно опустить, — одними губами произнес Каи, — и так трудно вновь взвалить на плечи, так и веру несложно отбросить, но затем трудно обрести вновь...

Привычные с юности слова придавали сил. Жрецу никогда не нравилось это место, и глаза еще не привыкли к темноте, но он сделал один осторожный шаг, а затем другой. Эхо подхватило шлепанье его сандалий и унесло к скрывшимся в темноте сводам.

— Однако нести ношу проще, чем в бессилии оставить на земле, так и нести веру проще, чем усомниться, а затем вновь искать ее.

Пятьдесят два шага нужно взрослому человеку, чтобы пересечь Логово Шакала от входа до алтаря. Пятьдесят два шага в гулкой каменной утробе под храмом, где темнота живет своей жизнью, насмехаясь над робкими шагами жреца.

«Осталось два дня», — пронеслось в голове Каи. Мысль, пробирающаяся до костей. Жуть страшнее ледяных ночей севера.

Сотни красных глаз превратились в тлеющие огоньки на концах благовонных палочек. Размытой, едва различимой тенью за алтарем притаилась статуя пса.

Два дня на то, чтобы спасти своего бога.

Когда у жреца появилась компания, он уже затеплил несколько лампад, а вместо камня под коленями покоились подушки. Тусклый свет масляных плашек выхватил из мрака собачью морду из черного базальта. В тяжелом от благовоний воздухе рубины и впрямь казались налившимися кровью глазами.

— По-твоему, это... — начал Воздающий, когда Каи вскинул руку, призывая его к молчанию. Отголоски произнесенных слов перекликались под потолком.

— Желтый бог воплотился в тебе, Шебэт Хафра́й! — Каи склонил голову в ритуальном приветствии, но Воздающий отмахнулся:

— Трепать языком ты мог и в другом месте!

— *Это* место для встречи, а не для разговора.

Каи говорил нарочито медленно, давая Хафраю услышать гуляющее по залу эхо. Наступила тишина, которую нарушало лишь сбивчивое дыхание второго жреца.

— Желтый бог воплотился в тебе, Каи Серис! — произнес тот и беглым жестом коснулся лба.

Так-то лучше. Каи позволил себе улыбнуться.

Воздающий всегда имел склонность к полноте, а в последние годы даже по храму передвигался на носилках. С одной стороны, назначать встречу здесь опасно. Хафра́й не привык отрываться от подушек пухлый зад — довольно сопоставить, что он посетил Логово тогда же, ко-

гда здесь исполняет обязанности Каи. С другой же стороны... Есть ли иное место, вход в которое закрыт для всех, кроме высших жрецов? И в котором нет ходов, откуда их могут подслушать?

Воздающий уставился на протянутую руку.

— Мы оставим свет здесь, — терпеливо пояснил жрец.

Ладонь Хафрая оказалась холодной и влажной. Воздающий едва переваливался на коротких ножках, Каи буквально тащил его за собой.

Шли долго — пока каменные плиты не сменились земляным полом. Протянув руку, Каи нащупал покрытые штукатуркой стены. Жрец выпустил руку Воздающего, и тот недовольно засопел.

— Где мы?

Эхо молчало, оно осталось позади, в алтарном чертоге. На сей раз Каи ответил:

— Я говорил, ты многого не знаешь о Логове. Подожди, где-то был свет.

Огарок свечи высветил небольшую келью, вмурованную в скалу под храмом. В мутном свете виднелись очертания сундука, полки, простой деревянной койки — все остальное тонуло в тени. Лишь кое-где из мрака проступали светлые фрагменты фресок: там бледный высокий лоб, здесь мерцают глаза.

— Это покой жреца, который совершает обряды в Логове, — наконец заговорил Каи. — Удобное место. От дверей не слышно, о чем мы говорим, и любой, кто попробует подойти, потревожит эхо.

Не дожидаясь приглашений, Хафрай плюхнулся на лежанку и с тяжелым вздохом вытянул ноги. Пот бисеринами усеял его лоб, коснулся краски вокруг глаз и оставил на щеках потеки.

— Тебя, верно, удивила просьба о встрече... — начал Каи, но Воздающий взмолился:

— Ну не тяни, Серис! Ты знаешь, не люблю болтовни. Еще меньше я люблю сырость, а к носилкам мне возвращаться половину звона.

— Ладно... Если ты сам так хочешь.

Переступив через ноги Хафрая, жрец опустился на колени перед сундуком, в котором хранили ризы и маски для обрядов. Порывшись, извлек завернутый в промасленную кожу сверток.

— Что это? — теперь, когда толстяк устроился удобно, к нему вернулась обычная самоуверенность.

— Это переписка. Письма верховного жреца претенденту на престол, — жрец поднялся с колен. — И это свидетельство того, что нас предали.

— Предали... — Хафрай пожевал губами, его круглое лицо скривилось. — Очень неаппетитное слово. Сколько помню, ты любил выспренные разговоры. Надеюсь, ты знаешь, о чем толкуешь.

— Почитай сам, — жрец вернул напарнику колкость: — Надеюсь, с армией писарей ты еще не разучился читать?

Хафрай лишь фыркнул и уткнулся в бумаги.

— Давай говорить начистоту, — наконец не выдержал Каи. — Раньше, когда воины Царя Царей шли в бой, они приходили в храмы Шакала Пустыни. Когда смерть являлась в семью бедняка, родичи спешили к нам, а иначе и быть не могло. Теперь бродяги и дервиши на каждом углу кричат, что бог один...

Хафрай оторвал взгляд от пергамента, но ничего не сказал. Помолчав, он вернулся к чтению.

— Об этом молчат, но год, два — и ублюдки вышвырнут нас из храмов, — продолжил жрец. — Теперь, когда царский род прервался, можно покончить с заразой. Если власть возьмет иль-Аммар, он даст приказ, и мы разгоним попрошайек. Псы Желтого бога, ястребы Харса, быки Усира... все храмовые дружины готовы выступить, стоит щелкнуть пальцами! И о чем пишет верховный?

Наступило молчание. Воздающий вздыхал над письмами.

— Откуда это у тебя? — наконец спросил он.

— В каждом доме кто-то да убирает, — Каи пожал плечами. — Бумаги нужно еще вернуть на место.

Вновь молчание. На сей раз Воздающий постучал длинным ногтем по пергаменту.

— Как докажешь, что писал верховный? Почерк из рук вон.

— Ты сравниваешь с каллиграфией писцов? Думаешь, человек, за которого пишут слуги, владеет кистью?

Каи наклонился вперед, стараясь не вдыхать тягучий запах фруктовой воды, которой душился Хафрай.

— Рука верховного, Шебет. Вспомни, она срослась неправильно. Посмотри, как он ведет кисть, как пишет «лучезарный». Он не может выписать длинное слово, рука соскальзывает, а кисть уходит вниз.

— Это легко подделать.

— И сколько нас, кто видел почерк верховного? Ты, я, Советник Живых. Может, Носитель Жезла. Даже высшим жрецам он пишет редко. Уж, тем более, людям со стороны... Да миряне едва ли знают, как верховный выглядит.

— Ну хорошо, хорошо... — Хафрай отложил пачку писем, его глаза забегали по помещению. Не найдя, на чем остановить взгляд, жрец посмотрел, наконец, на собеседника.

— Хорошо, — повторил жрец. — Чего ты хочешь? Ты меня притащил, чтобы стонать о предательстве?

— Ты Воздающий, Шебет! Твоя задача убирать грязь.

— Идти против верховного? Ты безумец! Да ни один... никогда...

Хафрай будто подавился. Все три его подбородка затряслись.

— А у тебя есть выбор? Если этот князь... этот поборник Единого... если послезавтра его войско войдет в столицу, не дожидаясь выбора преемника — как думаешь, от кого верховный избавится первым? Не от того ли, кто приказывает священным убийцам? Думаешь, он вспомнит, что ты к ним не обращался?

— Но это ни разу не требовалось!

— Ты Воздающий, Шебет, — с нажимом повторил Каи. — Вспомни же об этом. Хоть раз. Иначе встретишься с богом раньше, чем думаешь.

В келье вновь воцарилось молчание, только на сей раз оно все тянулось и тянулось. Наконец, Воздающий провел рукой по лицу, словно снимая налипшую паутину.

— Хорошо, — в третий раз произнес он. — Так что ты предлагаешь?

Два дня.

Жрец растерял всякую уверенность, когда черного дерева ворота распахнулись перед паланкином. В храмовых садах бормочут фонтаны, а амбары полны зерна — легко поверить, что Шакал Пустыни так же могуч, как прежде. Город по ту сторону и рад был посмеяться над Каи Серисом.

Воздух над Песьей площадью звенел от голосов проповедников. Как мухи на мертвечину, последователи нового бога слетались к храмам. В просвет меж занавесями Каи видел, что мостовая, как коростой, покрылась серым покровом палаток, дырявых навесов и циновок.

Беженцы.

Иногда жрецу казалось, что это часть огромного заговора. Почему бегущие от голода и смуты ищут милости в храмах? Почему не сидят у дворцовых стен? Нет сомнения, людей сюда привело отчаяние, а не подстрекатели — но нужны ли подстрекатели толпе? Сколько бросятся грабить и убивать, не получив помощи?

— Кассар? — окликнул жрец капитана. — Скажи слугам, чтоб поторопились. Чем раньше выберемся из выгребной ямы, тем лучше.

Воин кивнул и тронул коня.

— И передай, чтоб держали себя в руках. Нам не нужны неприятности.

Каи задернул полог и постарался отрешиться от шума.

Не тут-то было! Толпа бурлила и волновалась, как море в сезон дождей. Не удержавшись, жрец вновь прильнул к щели меж складками. Их и впрямь окружало море — серое и грязное. Едва завидев носилки, люди подались вперед и вскоре сомкнулись вокруг солдат. Каи вглядывался в заросшие помятые лица. Один из дервишей гневно закричал — словно собака залаяла.

«Ублюдки! — думал жрец. — Пока мы драли глотки, на кого из сановников поставить, падаль подыскала самое послушное, самое свирепое войско».

В обращенных к носилкам взглядах Каи читал надежду. Это хорошо, это значит, еще не все потеряно. «Шакал поедает падаль и становится сильнее», подумал жрец. То были лишь слова, но и они приносили утешение. Носилки закачались — слуги ускорили шаг — и скоро площадь осталась позади.

Паланкин остановился в Старом Городе — районе столицы, где встречаются и старинные дворцы, и засыпанные мусором подворотни. Два дня... Небо было цвета крови и ржавчины. В тихих неподвижных сумерках усадьба казалась пустой.

Она ждала в переднем покое, и в сумерках линии ее тела были еще мягче и еще желаннее.

— Я весь день думал о тебе, — сказал жрец. И понял, что его голос лжет.

Было вино — краснее крови, и была постель — жарче летнего дня. Были смех, наслаждение и бессвязные слова, выдохнутые в порыве страсти.

Наконец Каи оставил ее на подушках, а сам отошел к окну. Из ночи глядели факела и огни. Словно тысячи глаз, которые винят одни боги знают в чем... Не много ли на сегодня богов?

— Знаешь, Сатра... — слова не шли на язык, застревали в горле. — Иногда я жалею, что у жреца не может быть жены.

— Никто ведь не запрещает прятать женщину в городе, — она натянула на плечи покрывало и закуталась в него, как в пестрый балахон. — Не запрещает даже прятать детей.

— Ты знаешь?

Каи обернулся, и Сатра негромко рассмеялась.

— По-твоему, я бросаюсь в постель к кому попало? Я разузнала о тебе, что могла. Да ты бы сам это сделал, на моем месте.

Купола храмов в ночи — как обожженные волдыри. Подсвеченный факелами Район Садов — зеленая язва на теле города.

— Зачем ты принимаешь меня? — спросил жрец.

«Глупец, глупец!.. — твердил он себе. — Такие женщины не отвечают на вопросы, а такие, как ты, их не задают». Но сегодня был особый день, и он продолжил:

— Ради усадьбы? Лошадей, что я подарил? Ради слуг и дорогих тканей?

Сатра фыркнула.

— Ради дома, — ответила она просто и — Каи знал это — честно.

— Боги! По-твоему, это дом? Когда ты ото всех скрываешься? Когда даже слуга немой?

— Он лучше, чем могли предложить другие.

Она встала и пересекла комнату, устроившись возле него в оконной нише.

— Когда ты вынуждена скрывать, кто твой мужчина? — недоверчиво закончил Каи.

— А дом нужен женщине больше, чем мужчина. Всего чуть-чуть меньше, чем дети...

Сатра подставила лицо ночному воздуху. Ветер донес преувеличено громкий, наиграно радостный смех.

— Это почти так же сильно, как «дай» и «мое» у ребенка, — она усмехнулась и, бросив взгляд на любовника, добавила: — Ты так старался меня купить!.. Почти забавно. Еще смешнее, что ты давно меня купил с потрохами.

— Я этого не хотел. Не этого...

Проклятый язык! Почему он не слушается как раз, когда нужней всего?

— Я знаю, чего ты хотел, — она легонько похлопала его по плечу и оставила Каи, потянувшись за кувшином.

Город в темноте — кладбище душ. Ночь молча и терпеливо ждет рассвета. Утра, когда война станет не «через два дня», а по-простому, без изысков — «завтра».

— Тебе нужно уехать из столицы, — наконец решился заговорить Каи. — Будут... видишь ли, будут беспорядки. Я пока не могу сказать всего.

— А мне есть куда ехать? — Сатра подняла брови.

— Не важно, куда. Так нужно. В городе начнутся волнения, может случиться, что угодно. Погромы, пожары...

Сатра молчала.

Было вино — краснее крови, и была ссора — жарче летней ночи. Были обвинения и бес-связные слова, брошенные в гнев. И был прощальный поцелуй.

Дань вежливости. Так целуют перстни государей, подумал Каи.

* * *

Ее называли золотой царицей и венцом владык. О ней злословили, будто она храмовая шлюха и город пыли.

Грязная и разукрашенная, как дешевая проститутка, столица разлеглась в устье великой реки Ладж́ан. Говорили, во всем мире нет города, чтобы сравниться с ней. Сюда приезжали северяне в остроконечных, отороченных мехом шапках. В столицу съезжались учтивые иноземцы из Закатных царств — с краской на веках и накладными ногтями из бронзы и бирюзы. Хитрые и молчаливые торгаши-южане везли в дар золото и диковинных лесных тварей.

Иль-Аммар вступил в город царей просителем.

Его повозку влекли двенадцать белых быков, укрывавший от солнца полог был усеян жемчугом, и наместник ехал в Красный дворец, сопровождаемый криками толпы. Проситель, жених... столица схоронила три десятка мужей, и только половина владык умерла своей смертью.

— Скоро вы узнаете, что этот город — сердце Царства.

Наместник едва расслышал спутника. То был Фах́из, его человек при дворе старого царя. Старик всегда выражался цветисто, но иль-Аммар ему прощал. В конце концов, это старый царедворец привел господина к подножию трона.

Подобно миражу, в жарком мареве дрожали очертания куполов — и ветер с моря нес вонь тухлой рыбы. Из окон вывесили знамена и гирлянды цветов — но над сточными канавами кружили мухи, а копыта поднимали облачка бурой пыли.

— Эти люди — кровь Царства, — продолжил старик. — Помашите им рукой, господин. Скоро вы будете ими править!

Наместник поморщился.

Гулкий рык тамтамов заглушал гомон толпы, но иль-Аммару чудилось, что вперемешку с приветствиями он слышит проклятия. Каждое утро в трущобах находили заколотые, зарубленные, растерзанные тела, и единственной их виной были слова против Единого бога.

— Кажется, меня встречают не слишком радостно...

— Они отчаялись, — мягко заверил вельможа. — С тех пор, как владыка погиб, каждый князь норовит урвать кусок получше. Беженцы стекаются со всего Царства, они всем сердцем ждут нового царя, но люди напуганы и растеряны.

Наместник вынудил себя улыбнуться и поднял руку в приветствии. Толпа взвыла, ее протяжный вой заглушил слова старика.

— Я уже все видел, Фах́из, — кивнул иль-Аммар. — Возле Та́бры не осталось ни одной целой деревни, дороги полны крестьян. Они бегут, как муравьи...

— Такие времена, — подтвердил спутник.

Наместник отвернулся, внимание его привлекло волнение среди горожан. Внезапно вся многоглавая бестия, все грязное тысячеликое чудище подалось вперед, легко, как игрушки, разметав цепь воинов.

Иль-Аммар хотел подать знак охранникам, но в последний миг старик удержал его.

— Слушайте, господин! Они радуются. Они... приветствуют вас!

Наместник прислушался — сквозь рев действительно прорывались крики «Слава!». Там, где толпа выплеснулась на расчищенную мостовую, десятки рук тянулись, чтобы на мгновение коснуться резной повозки.

— Протяните им руку, господин! Они на всю жизнь запомнят прикосновение царя!

От волнения Фахиз так сильно сжал ладонь наместника, что тот скрипнул зубами.

Что-то не так. Неправильно. Недоброе предчувствие распрямилось, встало во весь рост... казалось, купола в душном воздухе и те задрожали сильнее — будто столица смеется над незадачливым ухажером.

Перегнувшись через витой подлокотник повозки, иль-Аммар опустил руку, почти касаясь протянутых ладоней.

Боль ударила в спину жгучим хлыстом, заскрежетала по ребрам. Наместник закричал, но из горла вырвалось клокотание напополам с кровавой пеной. Он еще видел, как солдаты бросились к господину, как забился в дальний угол повозки Фахиз. Знамя с пурпурной башней покачнулось и мазнуло наместника по лицу.

А больше он не видел ничего.

Наутро город опустел. Вымер. Ни звука, ни встречного, ни даже бродячего пса — словно звери и те высыпали на Дорогу Царей поглазеть на иль-Аммара. Это устраивало Каи. На Старый Город опустилась тишина, лишь отдаленный рык тамтамов нарушал безмолвие.

«Как тяжелую ношу несложно опустить...» — подобно молитве повторял жрец.

Последний день. Если не решится сегодня, войско узурпатора войдет в город, и тогда... лучше не думать, что тогда будет! Самое меньшее, они превратятся в изгнанников, и каждый храм в городе станет домом нового бога.

Жрец не торопился. Огромный гонг в храме Атáмы, владыки времени, прозвонит два, а то и три раза, пока иль-Аммар доберется до дворца. Там — если все пойдет, как должно — верховный будет отрезан от своих людей. Когда войско узурпатора подступит...

Каи не успел закончить мысль.

Сперва послышался далекий шум, потом тамтамы пропустили удар и вовсе смолкли. В наступившей тишине гул перерос в голодный рев. Ну точно рык пустынного льва.

Кобыла всхрапнула, когда жрец ударил ее пятками. Холодный комок страха зашевелился внизу живота. Сердце колотилось словно бы в основании горла.

Они встретились на базарной площади, под потемневшими стенами палаты писарей — всадник и группа оборванных голодных беженцев. Мимо Каи бежали женщины и дети, спеша укрыться по домам. Некоторые мужчины сопровождали их, но гораздо больше выламывали палки из купеческих навесов и высаживали двери здания, где писцы Царя Царей скрепляют сделки.

Около дюжины обернулись к жрецу, но тот не стал дожидаться, пока налетчики сообразят, кто он. Пришпорив лошадь, он ворвался в лабиринт навесов и палаток, заставив кобылу петлять меж бочками, ящиками и грудями корзин.

Над площадью раздались крики «Асáм!» — Единый — но вскоре потонули в гневном вое, что требовал денег, зерна и хлеба.

— Они прячут еду! — кричал один. — Они всё прячут!

— Хлеб! — ревел другой. — Ищите зерно и хлеб!

Десятки голосов подхватили его призыв: какие боги, когда поклонения требует желудок?

В закутке за тюками ткани Каи остановился. Что бы ни случилось на Дороге Царей, прорываться туда сродни самоубийству. Кобылка Сатры тяжело дышала, роняя хлопья пены. Оставлять ее при себе еще большая глупость.

Жрец уже слышал треск ткани и стук перевернутых корзин — должно быть, толпа добралась и до базара. Хлопнув лошадь по крупу, он начал сдирать неподатливые кольца и браслеты. Мало быть пешим, когда все в тебе выдает жреца... Каи вдруг задохнулся от ужаса. Все тщетно! Любой узнает его по бритой голове и татуировке на лбу.

Он кромсал шелка и хлопок ритуальным ножом, когда в убежище ворвался ражий детина с выломанным из мостовой куском мозаики. Мгновение они смотрели друг на друга, как на вставших из погребального костра духов.

Каи первым бросился на противника, ударил затылком в грудь, повалил наземь. Краем глаза он видел, как царапают по пыли скрюченные пальцы, как отошла назад сжимавшая камень рука...

Времени на размышления не было. Каи просто вцепился громиле в горло: как зверь, как собака... Как шакал. Укусил со всей силы, рванул... Горячая отвратительная влага заволокла рот, в лицо ему пригнуло воню.

Наверное, жрец потерял сознание — потому что, когда он приподнялся, крики стали громче, а в окнах палаты писарей занялся огонь. По площади рыскала уже не одна группа бедняков.

Стараясь не смотреть на тело, жрец оглядел себя с головы до ног. Теперь никто не покусится на дорогую одежду: вся грудь была залита кровью, подол покрылся пылью, а плетеный пояс порвался. Осталось найти платок прикрыть бритую голову — но в распоряжении Каи весь рынок. И нож... слава богам, хоть он не потерялся.

Когда жрец выглянул из-за крайнего навеса, на площади почти никого не осталось. Налетки отправились на поиски новой добычи, лишь старики да калеки перебирали, что оставила после себя толпа.

«Я выгляжу точь-в-точь как они», — сказал себе жрец. И все же потребовалась пара глубоких вдохов, чтобы покинуть укрытие.

Дом писцов стоял пустым и разграбленным. Одна из створок осталась на месте, другая криво повисла на покореженном косяке. Окна, с которых сорвали резные ставни, таращились зияющими провалами.

Каи пересекал площадь, когда заметил несколько фигур, что отделились от торговых рядов. Жрец обернулся. Пятеро. В серых рубахах, с короткими увесистыми дубинами — ничем не примечательные с виду.

«Им нет дела до меня, — твердил Каи. — Они ищут добычу. Зачем им грязный перепуганный горожанин?» Но все же он ускорил шаг — и оборванцы поспешили следом.

Жрец вбежал во дворик и попытался водворить на место створку ворот, когда услышал за спиной шум. Он обернулся вовремя, чтобы заметить еще троих, выбежавших из палаты писарей.

Испугаться Каи не успел. Он бросился в обход здания, в узкий проулок меж домом и оградой. Сандалии громко шлепали по пяткам, дыхание рвалось из груди. Но преследователи не отставали.

Первый поворот, второй... вот-вот появится задняя калитка, а за ней квартал ремесленников. Уж как-нибудь он затеряется среди бесчисленных мастерских.

Но вместо калитки показался тупик — и пересохшая сточная канава нырнула в дыру под оградой. Когда жрец обернулся, перед глазами мелькнуло окованное дерево. А потом вселенная вспыхнула радужными брызгами.

Первым в беспмятство явился холод и следом за ним, рука об руку — страх. Повернув голову, Каи глухо застонал. Затылок отозвался тупой болью.

— Желтый бог воплотился в тебе, Каи Серис! — послышался дребезжащий и полный насмешки голос.

Жрец открыл глаза, но увидел лишь силуэт и свет за спиной говорившего. Тусклый огонек причинял боль, так что Каи вновь зажмурился. Против воли с губ его сорвался новый стон.

— Это все, что ты можешь сказать, Первый Распорядитель? — Сэиду Раммак, верховный жрец Шакала, встал. Каи слышал, как шуршит ткань, как стукнул поставец. То верховный переставил масляную плошку подальше. — У пламенного борца должно быть, что сказать.

Жрец молчал. Молчал долго, втайне надеясь, что его оставят наедине с болью — но Раммак все не уходил. Даже не пошевелился.

— Это Воздающий? — наконец спросил Каи. — Это он не выдержал?

Жрец не боялся выдать союзника, свято уверенный, что Раммаку известно все. Смешно сказать... Воздающий! Высокий пост предписывает управлять сворой убийц, знать обо всех шепотках, что бродят по городу. Если бы!

Когда они расставались, на Хафрая было жалко смотреть: от одной мысли, что ему придется исполнять обязанности, толстяка бросало в дрожь. О, он храбрился, и даже надулся от важности — но был скорей смешон. И все же... все же Хафрай единственный приятель юности, кому Каи верил. Его предательство ранило.

Жрец вновь открыл глаза. Теперь он ясно видел Раммака: сухонького старичка с несообразно большой бритой головой. Его бледные губы были такими узкими, что когда он негодовал, рот верховного сжимался в шрам.

— Где я? — предпринял новую попытку жрец. Он попробовал встать, но обнаружил, что привязан к лежанке ремнями. Со всех сторон их окружал мрак, и неподвижный сырой воздух указывал, что они в подвале.

— Ты гость в моем доме, — уголки губ Раммака скривились в усмешке. — На всякий случай я приютил тебя подальше от храма. Просто предосторожность.

— Чего ты хочешь?

— Ты удивишься, когда узнаешь, — верховный наконец пошевелился. — Я ищу твоей помощи, Первый Распорядитель.

— Где мои союзники?

— Кто где... — Раммак колебался с ответом. — В последний раз, когда я видел Хафрая, он добрался до храма и дрожал от страха. Часть твоих людей попала под руку бунтовщикам, так что бедняга остался совсем один, — верховный хихикнул. — Успокойся, он слишком слаб для предателя. Ты говорил с другими храмами?

Жрец молчал.

— Кто из высших жрецов тебе помогал? Какая часть дружины пошла за тобой?

Вопросы сыпались один за другим, Каи просто закрыл глаза. Наконец Раммак устал от звука своего голоса.

— Чего ты хочешь? — повторил жрец.

— Ты нетерпелив, — Раммак сжал челюсти. — Пятнадцать лет службы Шакалу, и столько нетерпения! Твой друг Хафрай был прав. Он предлагал избавиться от меня сразу, неужели ты думал за два дня и набрать союзников, и созвать синод? Тебе бы нужно знать: игра по правилам — неторопливое развлечение. Тем более, против того, кто уже все подготовил.

— Если я осужден, вынеси приговор и...

— И ты опять нетерпелив, Каи Серис! — перебил Раммак. — И не умеешь проигрывать. Я служил трем царям и дважды оставался в дураках. Теперь я кое-чему научился.

Он замолчал на мгновение и заговорил вновь — сладко, почти слащаво:

— Но, я думаю, это нынешнее положение сбивает тебя с толку. Трудно мыслить здраво, когда лежишь привязанный к скамье. Когда я уйду, слуга проводит тебя в гостевые комнаты. Приведи себя в порядок, и тогда поговорим. Я дам тебе три звона.

Верховный встал, заслонив свет, его худые руки нервно подергивались, будто не находя себе места.

— Я повторяю, мне нужна помощь, а не покаяние.

Зашаркали шаги, зашуршала одежда — Раммак ушел. Каи остался в полной темноте.

Гонг в храме Атамы бил гулко и мерно. Три звона... как прикажете отмерять время, если гонг все звонит, и звонит? Резкий медный голос раздражал Каи, он проникал даже во внутренние комнаты. С тех пор, как жрец покинул подвал, гул преследовал его повсюду.

Сперва Каи гадал, кто удостоился чести, но вскоре сообразил: это не похоронный бой. То бил набат, который столица не слышала несколько столетий.

Из окон Каи ничего не разглядел. На то и Район Садов, что за окном встают дворцы и ряды кипарисов. Вдоль канала, что отделял их от города, сутились белые фигурки солдат. На все вопросы слуги отвечали молчанием.

Казалось, время остановилось. Гонг все звенел, разлив над крышами тревожную жалобу, и тени в комнате застыли. Видно, у Раммака нашлись солнечные или водяные часы — потому что в конце концов двери отворились, и на пороге возник слуга.

Верховный ждал Каи во внутреннем дворике. Из подвешенных на медных цепях корзин свесились веревки ползучих растений, шепот фонтана сливался с голосом гонга и защищал от любопытных ушей.

— Присоединяйся! — Раммак протянул кубок из красного стекла. — Выпей. Тебе станет лучше.

— Что это?

Охряное стекло преломляло цвета, но, похоже, напиток был коричневым и густым, как кисель.

— Вытяжка из корней хебэни. Очищает сознание и приносит спокойствие.

«Если бы он хотел убить меня... он мог это сделать сотню раз». Жрец поднес чашу к губам, и Раммак рассмеялся, потешаясь над его нерешительностью.

— Ты дважды спрашивал, чего я хочу, Серис, — наконец заговорил верховный. — Не стану больше тебя томить. Садись, садись...

Ему доставляло удовольствие разыгрывать радушного хозяина.

— Но позволь сперва объяснить, как там дела за каналом. Иль-Аммар мертв, — веско произнес верховный. — Не стану скрывать, это моих рук дело. Но в этом можно найти и светлую сторону: взойди он на престол, нас ждали бы охота на тени, всеобщий страх и волнения на улицах.

— Кажется, мы все это получили, — хмыкнул Каи. Раммак, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Те жрецы, что поддерживали тебя, тоже частью мертвы. Некоторые не добрались до храмов. Видят боги, Серис!.. Бунт вовсе не моя затея, хоть и не стану кривить душой, я готовил нечто подобное. Но то, что творится сейчас, на руку только беднякам. Эти волнения... — он на мгновение умолк, не то подыскивая слова, не то давая собеседнику вслушаться в набат, — они вредны всем. Мне, тебе, храмам, Единому... Царству тоже, если на то пошло.

Каи молчал. Он представлял, как каменный пес, чья статуя покоилась тут же — набросится на первого слугителя.

— Я хотел натравить всю ораву на храмы. По толпе пошел бы слух, что наместника убили жрецы... — предупреждая возражения, Раммак поднял руку: — Простецы на улицах не знают, что вы на него поставили. Завтра в город войдет войско, вскоре воцарится порядок. Просто старые боги ушли бы в изгнание. Растворились, пропали на задворках Царства вместе со своими жрецами.

— Ты забываешь о храмовых дружинах, — напомнил Каи. — Они найдут, чем ответить бунтовщикам.

— Серис... — бескровные губы верховного скривились. — Твои дружинники ходят по тем же улицам. Они пьют в харчевнях и развлекаются с теми же танцовщицами. Они не пойдут против друзей и соседей.

— Сама мысль ввести в город войско — кощунство! — продолжал Каи. — Столица священна. Ни один узурпатор не захватывал ее, все проливали кровь подальше от города. Толпы разорвет любого, кто приведет на улицы мечи. Ему придется бороться с беднотой, и вельможами, и городской дружиной. Каждый час на троне будет таить смерть: от яда или меча телохранителя...

— Секрет в том, — перебил Раммак, — что жители столицы могут делать, что вздумается. Они сами начали войну на улицах, а мой князь только явился бы вовремя, чтобы встать на их

сторону. Его воины открыли бы ворота храмов и тамошних амбаров, выгнали старых жрецов и посадили на алтари того, кого ждет толпа.

Пару ударов сердца Каи молчал.

— Ты говоришь, что ошибся?

— Верно, — Раммак поднес к губам чашу. — Я не ждал, что от вида крови они взбесятся, как уличные псы. Все началось со смерти иль-Аммара, а когда волна покатила, ты не прикажешь паводкам, чьи посева разрушать. Я не могу натравить толпу на храмы, она уже воюет против всех. Для меня этот бунт — то же, что и для тебя.

— И мы пришли к тому, чего ты хочешь.

— Ты схватываешь на лету, Серис, — съязвил Раммак. — Ты второй человек в храме. Твои люди послушны, скажи им слово — и мы покончим с недоразумением. Мне нужно, чтобы храмы признали нового Царя Царей.

— Под недоразумением ты понимаешь Шакала? — спросил Каи. — Я скажу слово — и он тоже отправится в изгнание?

— Ты останешься, — пожал плечами верховный.

— Этого мало.

— Серис, ты святоша, но не говори, что ты слеп, — Раммак прищурился. — Ты был там, в городе. Видел людей. Им больше не нужен Шакал. Равно как и Атама, Усир, и все боги, которых ты вспомнишь. Единый благоволит беднякам, и толпе это нравится. Что бы сделал иль-Аммар? Побросал проповедников в ямы? Но такая охота никогда не кончится: на их место придут другие, а против всего города бессилен даже Царь Царей.

— А ты хочешь вовремя перебежать к победителю?

— В этом и заключается игра, — морщины смяли татуировку на лбу верховного. — Тот, кто играет честно, обрекает на смерть себя и других. Он слишком твердолоб, чтобы остановить кровопролитие.

Каи залпом осушил чашу и вытер со лба пот.

— Если бы не твоя игра по правилам, иль-Аммар был жив, — говорил Раммак. — И бунта бы не случилось. И пусть город готов вспыхнуть, всех смертей можно было избежать.

Каи отвернулся. На пару вздохов в садике воцарилось молчание.

— Что ты сделаешь, если я не соглашусь? — наконец спросил жрец.

— Я? — казалось, верховного удивил вопрос. — Я отпущу тебя в любом случае. Дам подумать. Мое дело может выгореть, но твое уже проиграно. Твое божье войско в осаде на Песьей площади. Сделай то, что я хочу — и останешься при дворе. Нет... — он развел руками, — что же, у меня есть доводы посильнее.

Его слова повисли в воздухе, а в голове у Каи словно гудел собственный гонг. Дети? Самая сокровенная тайна, хранимая бережно, как священная реликвия... Боясь, что голос его выдаст, Каи вопросительно поднял брови, и Раммак уронил единственное слово:

— Сатра.

Он покинул верховного на переломе дня, когда солнце начинает клониться к вечеру. Столица дышала зноем. Ветер поднимал с мостовых бурые, как жевательная трава, облака пыли, только вездесущие мухи сновали в душном мареве. Пожалуй, лучшего времени, чтобы проникнуть в осажденный храм, не найти — в сезон засухи, после полудня... самая кровавая бойня стихает в это время дня.

— Что если нам не дадут пройти?

Каи бросил взгляд на мост, который все утро был ареной противостояния стражи и бунтовщиков.

— Они не посмеют, — отрезал капитан.

Жрец с сомнением покачал головой, но на него не обращали внимание.

За каналом они трижды встречали погромщиков: и беженцы, и ремесленники, и даже пара купцов в засаленных халатах... завидев вооруженный отряд, они зашевелились, но так и не вылезли из тени. Сандалии солдат шлепали по пустынной улице меж рядами каменных львов.

Каи дорого бы дал, чтобы ехать в Старый Город, а не к Песьей площади. Двое слуг обмахивали его опахалами, еще один держал пергаментный зонтик от солнца — но все это сродни золотой клетке. Солдаты молча направляли носилки, куда приказал верховный жрец.

Когда капитан забарабанил в ворота храма, словно невидимая волна прокатилась по головам. Над площадью повисла гнетущая, пугающая тишина.

Храм Шеххана молчал.

Каи не назвал бы это осадой. Да, что-то неуловимо изменилось в воздухе. Навесы и циновки так же покрывали мостовую, воздух смердел вонью немытых тел, чесноком и чадом жарящегося масла... Но осада? Скорее, из взглядов исчезла всякая надежда. Глаза беженцев были тусклыми и пустыми.

Наконец черные створки приотворились. Поймав взгляд капитана, Каи сошел с носилок и протиснулся в щель. Один. Ворота не успели закрыться, а он уже слышал щелканье кнута — воины Раммака спешили убраться с Песьей площади.

— Кого я вижу! Первый Распорядитель? С охраной от Раммака?

Меньше всего жрец ожидал увидеть Умм Бахри, командира храмовой дружины. Из-за его плеча нервно улыбался Хафрай, еще дальше... Верховный Солнечного Владыки, Первый Распорядитель Атамы, еще один Воздающий — на сей раз из храма Джаха́та, покровителя ученых и писарей.

Все они прежде едва замечали жреца, а теперь смотрели с опаской. Они знали, что это он заварил варево — пока сами они не решались заговорить в присутствии Раммака.

— Что это, Серис? Совпадение?

Командир не произнес ритуального приветствия, и в словах его сквозила угроза, но голос дрогнул. «Он боится, — вдруг понял Каи. — Боится меня, как раньше верховного».

— Раммак следил за мной несколько дней, — устало проговорил жрец. — Его люди подстерегли меня утром и захватили в плен.

Расталкивая соседей, вперед выбрался Распорядитель Усира, еще один толстяк, неприлично тучный в голодающем городе.

— Желтый бог воплотился в тебе, Каи Серис! — заискивающе сказал он. — Мы рады видеть тебя в добром здравии!

Они увлекли его к храму и кружили, как осы над медом. «Как у кочевников... тот, кто убил старого вождя, становится новым и внушает благоговение, — думал Каи. — Я просто заменил им Раммака».

Храмовые сады едва ли отличались от площади за стеной. Дым костров тянулся в небо неряшливыми космами, повсюду пестрели шатры и палатки солдат.

— Чего он хотел? Зачем отпустил к нам? — сыпал вопросами командир дружины. Он вел Каи к аллее, вдоль которой выстроились истуканы с песьими мордами.

— Хочет, чтобы я убедил вас принять узурпатора.

— И ты... — начал Бахри, но Каи не дал ему договорить.

— Я все это начал. Глупо останавливаться на полпути, — жрец слабо улыбнулся. Бессонная ночь и безумное утро давали о себе знать: голова гудела, и он едва слышал собственные слова.

— Мы продолжали твоё дело! Даже когда думали, что ты убит, — заверил незнакомый жрец. Властные команды заглушили его слова: десятники и капитаны сгоняли воинов на площадку перед пилонами.

Пройдя под увитой плющом аркой, Каи остановился. На возвышении для медитаций восседал юноша в золотой маске. Его окружали двенадцать слуг с опахалами из страусиных перьев. Жрец наскоро пересчитал края белых одежд, что выглядывали один из-под другого. Двенадцать. Число Царя Царей. Проклятье! Они раскопали даже копию маски, не хватало венца — того, что можно взять лишь в Красном дворце.

Каи обернулся к командиру, который явно руководил сборищем, но юноша опередил его:

— Желтый бог воплотился в тебе, Каи Серис! — он поманил жреца к себе. — Подойди. Твои друзья нам о тебе рассказывали.

Досадающий, обескураженный, Каи все же подступил на шаг. Взгляд подмечал все новые подробности: у возвышения расселись городские вельможи, и обилие колец, браслетов... казалось, на парня нацепили все камни, какие нашлись в Доме Шакала.

— Мы благодарны за помощь, что ты оказал престолу, — продолжил юноша, окунув пальцы в чашу с ароматной водой. Должно быть, жрецу полагалось согнуться в поклоне, но вместо этого он процедил:

— Кто этот ряженный?

— Новый Царь Царей, — ответил Бахри и, подавая Каи пример, поклонился.

— Царь Царей? Здесь?

Парень нервно пошевелился.

— Совет достойных избрал его в полдень, — поджал губы командир. — И, видят боги, он не хуже твоего иль-Аммара.

— Сейчас не время для ссоры, — вставил юноша. И тут же сбился: — Я должен... мы должны напомнить, этот человек заранее предупредил и спас нас всех...

Наверное, паренек даже неглуп. Должно быть, он и впрямь не хуже простого, как мясник, иль-Аммара — но Каи едва не скрежетал зубами. Эта оговорка... ему хотелось встряхнуть мальчишку, кулаком сбить с губ царственное «мы».

— За какие заслуги ты его выбрал, Бахри? За смазливую мордашку? За очень близкое знакомство?

Весь храм знал, что командир питает слабость к хрупким юношам. Что же, сколько мозгов ни найдется в голове мальчика — внешне он удовлетворял запросам Бахри.

— Он сын советника Золотого двора, — вмешался Хафрай. — И он устраивает всех, кто...

— Но до выбора две луны! Князя из провинций даже не добрались до столицы!

— Городские чины нас поддержали, — пожал плечами Бахри.

Каи пробежался взглядом по сановникам. Не все, далеко не все. Хорошо, если половина совета достойных.

— От его имени дружины разгонят бунтовщиков, — между тем, говорил командир. — Нам будет, что выставить против узурпатора. Мечи землевладельцев, Серис! Ты что, не видишь, как они нам нужны?

Парень честно пытался остановить перепалку, он даже поднялся с подушек, но если Каи чего и достиг — так это положил конец представлению. В споре и гомоне даже слуги забыли о самозванце.

— Ты поведешь своих людей в бой? Против всех горожан и купцов? — Каи решил, что ослышался. — Да твое войско — плевок в пустыне!

— Не только своих, здесь дружины всех храмов.

— Ты безумец, Бахри! — выдохнул жрец. — Если утром был просто бунт, ты положишь начало войне. Наместники доберутся до города, и когда узнают...

— Хочешь сказать, ты выходишь из игры? — в глазах командира играли злые огоньки. — Теперь ты умываешь руки?

Каи попятился.

— Твоя постель — это твое дело Бахри, — сказал он. — Но я не настолько сошел с ума, чтобы за нее сражаться.

Неужели он и здесь станет пленником? Нет... Нет. К облегчению жреца, Бахри не осмелился.

— Тогда убирайся! — выплюнул командир. — Давай, беги, пожалуйста Раммаку!

— Пусть твой день будет счастливым, *верховный*, — Каи коротко кивнул и пошел прочь.

Жрец до того устал, что казалось — всякий предел пройден, хуже просто не бывает. Но каждый новый час доказывал обратное. Набат трезвонил по-прежнему, а усадьба Сатры казалась пустой и заброшенной. Как и вчера.

Мебель тонула в неподвижном море теней. Сквозь щели в ставнях проникали тонкие полосы света, они протянулись по полу и ломались по углам. Тихо. Пусто. В тишине Каи слышал хрипкое дыхание города.

— Сатра? — окликнул жрец.

Голос его звучал испуганно.

Она лежала у подножия лестницы, как наступленное охотником животное. Загорелые руки вывернуты под неестественным углом, пальцы смяли циновку — видно, Сатра ползла прочь, когда ей разможили голову. Ее волосы, непокорный ливень кудрей — теперь слиплись в кровавую массу.

Это было больно. Больнее сотен топоров палача. Больно вдвойне оттого, что страсть его, ее страсть — были растрчены, распроданы, расплеваны в глупых подарках и спущены в песок. Семь божьих законов стояли меж ними — как пламя семи костров.

Каи долго сидел над телом.

Ему вспомнилась их первая встреча — на канале, что окружает Район Садов. Она стояла против него, в снопах лунного света, прислонясь к переборке барки. Порой тень платанов и акаций скрывала ее, а потом Сатра вновь являлась в лунном свете, как видение. Каи вспоминал, как они гуляли вдоль пристаней, и масляные пятна на воде волновались в лучах закатного солнца.

Он не смог прикоснуться к Сатре. В ней не осталось ничего человеческого. Слишком длинные руки. Сжатые, как клешни, пальцы. Лицо — смятая болью и страхом маска.

Животное, убитое жестоким охотником.

Он поднялся, когда последний свет вытек из неба, оставив затянутую дымом черноту.

Кто это сделал? Верховный? Раммак забрал бы ее к себе, велел оставить пару синяков, но не причинил вреда. Он искал помощи. Или это месть?

Была горечь — краснее крови заката, и была боль — жарче тысячи преисподних. Были бесвязные проклятия.

Когда он покинул усадьбу, Каи думал, что самую душу его — выдернули из тела, подменив оболочкой из сухого крошащегося папируса.

В последние дни время замкнулась в кольцо, и Каи не знал, отчего кружится голова: от усталости, недосыпа — или от блуждания по кругу. Храм, дом Сатры, верховный. Вновь храм и Сатра... И теперь усадьба Раммака.

Он не помнил, как сюда добрался. Расцветенный огнями, город состоял из двух цветов — черного и багряного — и люди, что потрошили друг друга на улицах, напоминали снующие тени. Ему чудилось, что отряды из храмов сражаются не с погромщиками, а с городской дружиной, но все они казались призраками. Жрецу не было до них дела.

В сторожке над воротами мелькали огни. Прошло не меньше полузвона, когда калитка приоткрылась на стук.

— Что угодно господину?

Это был тот капитан, что днем отвез его в храм Шакала.

— Мне угодно встретиться с верховным. Это важно и срочно.

Калитка распахнулась шире. В свете факела тени метались по земле, как чудища.

Его провели в кабинет — должно быть, тот самый, из которого вечность назад выкрали письма. Раммак облачился в простую черную рясу. Вглядываясь в мутную глубину зеркала, верховный поправлял и поправлял одеяние, но на иссохшем теле оно все одно висело мешком.

— Зачем ты пришел? — хмуро спросил старик, взглядом отпустив охрану. — Твои люди начали бой и успели проиграть. Я честно советовал перебежать.

Каи молчал. Видно, что-то не давало верховному покоя — потому что он сплел руки, хрустнул пальцами, потом еще раз разгладил складки рясы.

— Если ты одумался, еще не все потеряно, — вновь заговорил Раммак. — Со мной торговцы и городская дружина, но нет ни одного жреца. Нас ждут, можешь сопровождать меня на встречу. Видят боги, Серис, я обрадуюсь. Ты единственный шакал в своре шавок.

— Ты прав, это последний способ остановить кровопролитие, — согласился Каи.

Верховный улыбнулся. Когда он потянулся за отделанной черным ониксом маской, руки его тряслись.

— У меня только один вопрос, Раммак. Сатра...

Старцу хватило одного слова. Его лицо стало желтее свечей, что окружали зеркало.

Каи не стал дожидаться оправданий: он сразу ударил. Не так уж сильно. Неумело. Раммак кулем осел на пол. Тяжелая алебастровая чаша сама собой очутилась в руках, после двух ударов верховный затих.

Жрец услышал шум, но из-за пляшущих перед глазами искр почти ничего не видел. Наверное, за дверью остались телохранители, и теперь они ворвались в кабинет, заслышав шум.

Каи никогда не умел драться — в конце концов, он жрец, а не воин. Комната плыла перед глазами, и кровь гудела в ушах, но так даже проще... В него словно вселился демон.

Одного телохранителя жрец толкнул в окно. Каи не видел, что с ним стало, расслышал только, как хлопнули ставни. Со вторым они кружили вокруг стола — цветные брызги застили глаза, и звуки раздавались гулко, как из оббитой железом ямы.

Каи не заметил, как воин обманул его и вдруг оказался рядом. Жрец схватил его за мужские органы и со всей силы сжал. Уже послужившая оружием чаша довершила дело, пока охранник корчился на полу.

Потом — провал в памяти. Бельмо. Придя в себя, жрец поднял маску верховного. Немного помятая, но целая. Зеркало отразило его лицо в обрамлении слоновой кости клыков. На лбу, где под маской скрывалась татуировка, злобно горели рубиновые глаза.

Каи бросил взгляд в окно. В предрассветных сумерках остров на реке походил на рыбину. Словно устав от набата, гонг в храме Атамы безвольно повис.

Это сработает и во второй раз. Должно сработать! Он убил Раммака, по законам стаи он новый вождь. Так он и вышел к хлысту городской дружины и богатеям: в залитой кровью одежде и в оскаленной песьей маске.

* * *

На сей раз владыку встречали куда скромнее. Если каждый день приносит нового царя, люди перестают их считать. Не было ни белых быков, ни жемчужного полога, ни тамтамов. По Дороге Царей шли солдаты, и в воцарившейся тишине мерный топот отдавался громче барабанного боя.

Зеваки молчали. Вестники Каи на каждой площади возвещали, что Царь Царей отворит ворота амбаров. Жрецы не показывали носа из-за стен храмов, и даже бунтовщики притихли. Колонна солдат, как стальная змея, все тянулась через ворота.

Каи было интересно, что представляет собой князь: у него за спиной ни древнего рода, ни золота, ни священных прав стать Царем Царей. Ничего, кроме войска.

Они встретились на площади у ворот дворцового квартала, и Каи протянул руки навстречу крепышу средних лет. Старый шрам рассек открытое выветренное лицо. Жаркий ветер перебирал пряди даже не седых, а пегих волос.

— Сеиду Раммак? — спросил узурпатор. Князь взял ладони жреца и крепко сжал в приветствии.

— Каи Серис, новый верховный жрец Шакала, — он позволил себе улыбнуться.

— Но как...

— Сеиду Раммак предал вас, повелитель, — без тени сомнения отчеканил Каи.

Казалось, узурпатор ошеломлен. Морщины на его лице углубились, и руки непроизвольно сжались сильнее.

— Не буду лгать, я много отдал Раммаку, чтобы он меня поддержал. Чего добиваешься ты?

Зеваки ждали, и сотни взглядов были устремлены на них. Двое стояли, сцепив руки в приветствии и негромко разговаривали. В повисшей тишине было слышно, как далеко в гаванях скрипят у причалов корабли.

— Остановить кровопролитие, — начал перечислять Каи, — положить конец межусобицам. Служить человеку, который не зависит от моих бывших братьев.

Заглянув в глаза узурпатора, он прочел там нечто доселе неведомое — и совсем тихо добавил:

— И устроить жизнь своим детям. *Это* мои условия. Каков ваш ответ?

— Мой ответ там, — узурпатор качнул головой назад, где реяли знамена. — Я должен верить тебе и знать, какой пост ты хочешь. Это — мои условия, а ответ я хочу услышать от тебя.

Теперь Каи убедился окончательно. Он слишком долго общался с такими, как Раммак и Хафрай. Он узнал человека чести.

— За моей спиной секретарь и слуга, это два моих сына, и они последнее, что у меня осталось. Я сделаю все, чтобы они жили. Все. И вот еще... первое правило, лучезарный: Царь Царей всегда говорит о себе «мы».

— Я человек дела, Серис! — глаза узурпатора стали жестче. — Если хочешь сохранить место... Но мы видим, ты достойный помощник, — вовремя поправился он.

Их разговор наскучил горожанам. Узурпатор отнял руки, когда Каи ответил:

— Вы ошибаетесь, лучезарный. Я единственный шакал в своре шавок, с этим придется свыкнуться. Но я рад, что могу доверять хотя бы вам.

Над Дорогой Царей разнеслись первые приветственные крики.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru